

IREN KOSS

ИРЕНЕЙ

МЕЖДУ ЛЬДОМ И ОГНЕМ

Iren Koss

Инней. Между льдом и огнём

«Автор»

2026

Koss I.

Инней. Между льдом и огнём / I. Koss — «Автор», 2026

Эпическое фэнтези. Цветные иллюстрации внутри книги. В день её рождения ей вынесли смертный приговор. Инней родилась на Севере, на Мирусе, — и этого оказалось достаточно. Она — мaledикт, лишённая способности управлять энергией земли. В мире, где сила решает, кто живёт, а кто умирает, такие не выживают. Но мать нарушает закон и спасает дочь ценой собственной жизни, отправив её на Юг — в Утан. В раскалённом Утане Инней получает шанс начать заново: новый дом, новую семью, новую жизнь. Но прошлое находит её. Холид — её старший брат и наследник Мируса — намерен завершить начатое и убить сестру. Изгнанная, Инней оказывается в мире, где каждый владеет силой... кроме неё. И рядом появляется сапфирус. Но если она действительно лишена силы, почему охота начинается именно на неё? И что, если проблема вовсе не в ней... а в самом мире?

© Koss I., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Вступление	6
Глава 1Между мирами	7
Глава 2Дитя двух миров	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Инней. Между льдом и огнём

Глава

Инней

Между льдом и огнем

Iren Koss

© Iren Koss, 2026

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, распространена или передана в любой форме и любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопирование, запись или иные, без предварительного письменного разрешения автора.

Это произведение является художественным. Все персонажи, события и места вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

Вступление

Не стоит бояться или сторониться тех, кто отличается от тебя.

Страх перед неизвестным — тот самый страх, который люди так часто прячут за ненавистью, жестокими законами и мнимыми традициями.

Девочку назвали проклятием лишь за то, что она родилась иной.

Перед ней стоял выбор — сломаться под давлением мира или остаться собой, даже когда за это приходится платить слишком высокую цену. Люди легко отворачиваются от тех, кто не похож на них, и почти невозможно сохранить человечность среди страха, предрассудков и жестокости.

Это путь, где холод — не метафора, а постоянный спутник. Где мир встречает не теплом, а льдом, и мороз проникает не только под одежду, но и в сердца людей. Где каждый шаг требует сил идти дальше, даже после того, как утрачено всё, что было дорого.

Иногда в такие моменты кажется, будто ты остался один против всего мира. Будто каждый новый день приносит лишь новую боль и очередную утрату. И тогда возникает желание опуститься на колени на холодную землю, перестать бороться, просто лечь спиной на снег и смотреть в бледное небо, наблюдая, как медленно падают снежинки.

Но именно в таких условиях рождается сила. Там, где слабость ломает человека, испытания могут закалить его. То, что однажды казалось проклятием, иногда становится тем, что помогает выстоять.

Это история о дружбе, проверенной болью, о любви, за которую приходится бороться, и о предательстве, которое оставляет глубокие шрамы. О выборе между страхом и верностью. О том, как легко разрушить доверие — и как трудно его вернуть.

Это история о людях и их поступках. О мире, в котором жестокость и милосердие всегда идут рядом. О том, как страх может превратить закон в приговор, а сострадание — спасти жизнь.

Иногда всё меняется не из-за великих войн или громких решений. Иногда всё начинается с одного тихого поступка — когда кто-то решает не подчиниться страху.

И именно с такого поступка начинается эта история.

Глава 1 Между мирами

Планета Мирбург — мир редкой, почти невозможной красоты. Её главная особенность — не просто в природе или климате, а в самой сути: она разделена на два противоположных мира, Север и Юг, словно два полюса одной души, существующие в постоянном контрасте.

Север Мирбурга большую часть времени окутан снегом и суровыми морозами. Зимой температура опускается до пятидесяти градусов ниже нуля, и воздух становится колючим, почти режущим — таким, что вдох даётся с усилием. Лето приходит как короткое облегчение: всего на несколько месяцев холод отступает, уступая место мягкому теплу до двадцати пяти градусов. В это время земля словно оживает, наполняясь светом и движением.

Но это затишье длится недолго. Лето на Севере яркое, насыщенное — и быстро уходит, оставляя после себя долгую, бесконечную зиму. Снег начинает идти снова, сначала тихо, затем всё гуще. Метели набирают силу, ветер становится жёстче, и земля постепенно укрывается плотным, глубоким слоем снега. Этот покров — не только холод, но и защита, скрывающая под собой жизнь, оберегающая её от самых сильных морозов.

Со стороны может показаться, что Север жесток и беспощаден, что в таких условиях невозможно выжить. Но это лишь внешняя сторона. На самом деле здесь существует особая жизнь — тихая, устойчивая, приспособленная. В глубине земли скрыта голубая энергия, пронизывающая всё вокруг. Она не просто существует — она питает, защищает, связывает.

Растения и животные впитывают её, и со временем она начинает проявляться. В мягком голубом свечении шерсти, в холодном блеске листьев, цветов и ягод. Чаще всего это свечение становится заметным в сумерках, когда мир погружается в полутьму, и тогда Север открывается иначе — не как холодная пустота, а как живое, светящееся пространство.

И у каждого существа этот свет свой.

Одними из самых необычных обитателей Севера считаются ледяные ящеры. С первого взгляда кажется, будто они созданы из самого льда — хрупкого, прозрачного, пронизанного холодным светом. По их спине тянутся острые шипы, словно выросшие из кристаллов: прозрачные, с глубоким внутренним сиянием. Между ними мягко пульсируют голубые узоры, будто под кожей течёт энергия — живая, спокойная, связанная с самой сутью этого мира.

Движения ящеров неторопливы и точны. Они не спешат, будто время для них течёт иначе. Вокруг их тел едва заметно мерцает голубоватая дымка, словно морозный воздух подчиняется их дыханию. Их глаза светятся мягким голубым светом — не ярким, но глубоким, в котором чувствуется не сила, а устойчивость и покой.

Если присмотреться внимательнее, можно увидеть, как под полупрозрачной оболочкой медленно движется энергия. Она переливается, как живая, собираясь в сияющие кристаллы, которые вспыхивают и гаснут в ритме, понятном только самому существу.

Но при прикосновении иллюзия холода рассеивается. Тело ящера оказывается тёплым — неожиданно живым, настоящим. Его внешняя оболочка состоит из прозрачного слоя, сквозь который видны лишь мерцающие голубые кристаллы, а под ним скрывается второй — плотный, серебристый. Он отражает свет, создавая ощущение ледяной прозрачности, хотя на самом деле перед вами не лёд.

А жизнь.

В северных лесах Мирбурга, среди густых зарослей и плотных крон, скрывается удивительная, на первый взгляд невозможная жизнь. Мороз здесь не убивает — он лишь закаляет.

Большинство животных покрыты густой, плотной шерстью, надёжно удерживающей тепло, а их движения выверены и экономны, будто каждая крупица энергии имеет значение.

Даже насекомые здесь иные. Их крошечные тела укрыты тонким, почти невесомым шерстяным покровом, позволяющим выживать в холоде. Они не замирают с приходом морозов, не уходят в спячку. Благодаря вечно цветущим растениям Севера их жизнь не прерывается ни на один сезон. Они продолжают летать между ветвями, опыляя цветы, питаясь густым, сладким нектаром, и тем самым поддерживая хрупкое равновесие этого мира.

После опыления на ветвях появляются плоды — сочные, налитые, словно вобравшие в себя свет голубой энергии. Они зреют даже среди снега, словно наперекор холоду, наполненные жизнью. Многие деревья плодоносят круглый год, и в этом нет чуда — только сила Севера, где голубая энергия пронизывает всё живое, а труд насекомых не прекращается ни на мгновение.

Благодаря этому в самых суровых условиях здесь никогда не наступает настоящая пустота. Ни животные, ни люди не остаются без пищи. Среди холода и снега жизнь не угасает — она продолжается, тихо, упорно, наперекор морозу.

На Севере живёт народ Мирус. Их легко узнать: светлая кожа, чаще всего светлые волосы и ярко-голубые глаза — не просто черта внешности, а знак их природы. С самого рождения они пропитываются голубой энергией земли, и она становится частью их.

Эта энергия не просто защищает от холода. Она живёт в них, наполняет изнутри теплом, делает выносливыми, устойчивыми, позволяет управлять её силой и использовать её в своих целях. Для них холод — не враг, а среда, в которой они существуют так же естественно, как другие — в тепле.

В сильные морозы это проявляется особенно ясно. В их глазах появляется едва заметное голубое свечение — тихое, холодное, но живое. Как напоминание о том, откуда они происходят и с чем неразрывно связаны.

Мужчины народа Мирус чаще всего носят густые бороды. Их лица суровы, движения сдержанны, а характеры закалены холодом и временем. Они немногословны, не тратят силы на лишние слова и эмоции, предпочитая действовать спокойно, точно и уверенно.

Женщины носят длинные волосы, которые свободно спадают на плечи, не скрывая их силу и гордость. В их взгляде — та же внутренняя стойкость, та же тишина, за которой скрывается характер, способный выдержать любые испытания.

Для людей, живущих на Мирусе, холод — не враг. Это часть их мира, их дыхание, их основа. Они не борются с ним. Они живут в нём, принимая его так же спокойно, как саму жизнь.

Дома мирусов чаще всего строят из камня. Они выглядят тяжёлыми и надёжными, словно вырастают прямо из промёрзшей земли. Тёмные стены плотно сложены, а крыши делают с крутым уклоном, чтобы снег не задерживался. Зимой такие дома почти наполовину уходят под сугробы и становятся частью Севера — спокойной и неподвижной.

В морозные вечера между камнями можно заметить мягкое голубое свечение. Это кристаллы, встроенные в стены. Они не дают тепло напрямую — они удерживают его, не позволяя холоду проникать внутрь. Благодаря им в доме сохраняется ровная, спокойная температура, несмотря на мороз снаружи. Их свет приглушённый, почти незаметный — он не освещает, а лишь создаёт ощущение жизни среди снега и тишины.

Простые семьи чаще живут в деревянных домах. Их строят из плотной северной древесины, пропитанной смолой, поэтому такие дома быстро возводятся и хорошо сохраняют тепло. Снаружи они выглядят скромнее: тёмные брёвна, широкие крыши, укрытые снегом. В лесу такие дома почти незаметны, словно прячутся среди деревьев.

Внутри таких домов тоже используют небольшие кристаллы. Они защищают пространство от холода, удерживая тепло внутри, и даже в самые суровые морозы дом остаётся тёплым и живым.

Питание северян напрямую зависит от того, что можно добыть в суровом климате. Они охотятся, разводят выносливый скот и ловят рыбу даже в самые сильные морозы. Основу рациона составляет мясо — диких зверей и домашних животных. Его дополняет рыба из холодных рек, а также ягоды и плоды, которые продолжают появляться даже зимой. Несмотря на холод, пища здесь не однообразна — Север даёт всё необходимое тем, кто умеет с ним жить.

Особую ценность имеют продукты, которые можно хранить долго. Вяленое мясо и копчёная рыба становятся основой повседневного питания. Овощи и фрукты замораживают, используя голубую энергию — она словно «останавливает» время внутри плодов. При разморозке они остаются такими же свежими, будто только что были собраны. Благодаря этому северяне не зависят от сезонов и могут спокойно переживать долгие морозы.

Праздничным напитком считается ледяное вино. Его настаивают на кристаллах голубой энергии, и вкус у него необычный: первый глоток обжигает холодом, словно сам Север касается губ, но уже через мгновение по телу разливается мягкое тепло. Этот напиток точно передаёт характер этого мира — суровый снаружи, но живой и тёплый внутри.

Ледяное вино не пьют просто так. Его подают только в особые моменты — на праздниках, после удачной охоты или в знак уважения к гостю.

Одежда народа Мирус с первого взгляда кажется простой, но в этой простоте есть уверенность и привычка к холоду. В ней нет тяжёлых, многослойных мехов, к которым прибегают чужеземцы. Их одежда — из кожи и плотных тканей, напоминающих хлопок: она тёплая, но не утяжеляет, удобная и не сковывает движений.

Они не выходят на холод без защиты, но и не стремятся укутаться больше, чем нужно. Их одежда остаётся сдержанной: плотная ткань, продуманный крой, иногда плащ. Этого достаточно, чтобы спокойно переносить мороз. Там, где другой закутается в мех с головы до ног, житель Мируса ограничится более лёгкой одеждой и будет чувствовать себя так же уверенно.

Мех используют редко и чаще как деталь: накидки на плечах, отделка рукавов, украшенные головные уборы. Такие вещи не столько греют, сколько подчёркивают статус, вкус и характер человека.

Причина этого — в самих мирусах. С детства они впитывают голубую энергию земли, и со временем она становится частью их тела. Она не даёт телу замерзнуть изнутри, поддерживает ровное тепло и позволяет переносить мороз спокойно, без напряжения.

Поэтому холод для них не требует борьбы. Он не давит, не сковывает. Он просто есть. И они живут в нём так же естественно, как другие — в тепле.

Мужчины народа Мирус чаще всего занимаются охотой, земледелием и разведением скота — тем, что поддерживает жизнь Севера. Но особое уважение здесь вызывает военная служба. Это не просто ремесло, а путь, который выбирают немногие и проходят не все.

С раннего детства мальчиков, решивших стать воинами, обучают управлению голубой энергией. Это сложное и требовательное обучение. Энергия Севера не прощает слабости: она требует контроля, внутренней устойчивости и точности. Малейшая ошибка может обернуться против самого носителя, поэтому сила здесь всегда идёт рядом с дисциплиной.

Мужчина, прошедший этот путь, занимает особое место в обществе. Его уважают не за саму силу, а за умение владеть ею. Чем увереннее он управляет энергией, тем выше его положение и тем сильнее подразделение, в котором он служит. В этом отражается одна из главных ценностей мирусов — не грубая мощь, а сдержанная, контролируемая сила.

При этом военная служба никогда не является обязанностью. Это выбор. Уважение можно заслужить и другим трудом — честным, упорным, необходимым. Для мирусов важна не война, а готовность к ней. Они не стремятся к сражениям.

Но если придётся — они будут готовы.

В обществе народа Мирус женщины чаще берут на себя заботу о доме и воспитании детей. Они сохраняют уклад семьи, передают традиции и поддерживают ту внутреннюю устойчивость, без которой жизнь на Севере быстро бы распалась. Это не слабость и не обязанность — это основа, на которой держится всё остальное.

При этом их путь не ограничен. Любая женщина может стать воином и наравне с мужчинами овладеть голубой энергией. И те, кто выбирает этот путь, ничем не уступают в силе.

Но большинство идёт другим путём. Они становятся наставницами, врачами, учителями — теми, кто работает с самой природой энергии. Считается, что женщины тоньше чувствуют её потоки, улавливают малейшие изменения и лучше понимают, как с ней взаимодействовать. Именно они учат детей первым шагам: не подавлять силу, а направлять её, удерживать в равновесии, не позволяя ей разрушать.

Женщины Мируса способны сражаться, но редко стремятся к соперничеству. Для них важнее не проявить силу, а сохранить её. Там, где грубая мощь может разрушить, они удерживают баланс.

Их вклад не всегда заметен. Он тихий, почти невидимый. Но без него не вырастут воины, не сохранится жизнь и не удержится равновесие в мире, где сила без контроля становится опаснее врага.

В понимании мирусов сила бывает разной. И женская сила — это не удар. Это удержание.

Народ Мируса суров, но сплочён. Здесь ценят силу, дисциплину и выносливость — не как достоинства, а как необходимость. На Севере без них не выживают. Эти качества не выделяют человека, а делают его частью общего порядка, в котором каждый знает своё место.

Король и его воины занимают особое положение, но не из-за власти. Их ценят за ответственность — за готовность стоять первыми там, где возникает угроза. Но уважение здесь не принадлежит только сильным. Его заслуживают и учёные, изучающие природу голубой энергии, и простые люди, чьим трудом держится жизнь Севера. Каждый важен, потому что каждый выполняет свою роль.

Мирусы знают: в этих условиях никто не выживает в одиночку. Север не оставляет шансов тем, кто полагается только на себя. Только единство, взаимная поддержка и чёткое взаимодействие удерживают жизнь там, где холод и тьма не прощают слабости.

На Мирусе небо часто озаряется северным сиянием. Иногда оно становится особенно ярким, заливая всё вокруг холодным светом и меняя привычный облик мира. В один из таких дней, раз в году, весь Мирус собирается на праздник, который называют Сиянием силы голубой энергии.

Перед началом над равнинами воцаряется тишина. Холод ощущается острее обычного, воздух становится напряжённым — не только из-за погоды, но и из-за соперничества. Этот день — не просто праздник, а демонстрация силы, мастерства и контроля.

Каждый, кто заранее внес своё имя в список, может выйти и показать, на что способен. Одни создают из льда крупные, сложные фигуры, точно выверенные до мельчайших деталей. Другие демонстрируют боевые техники, показывая, насколько уверенно и сдержанно владеют энергией в движении. Есть и те, кто направляет её на исцеление, восстанавливая силы и облегчая боль. Здесь ценится не только мощь — важны точность, контроль и умение держать равновесие.

В течение ночи пространство наполняется голубым светом. Он отражается от снега, льда и камня, усиливая каждое движение, делая каждое действие заметным и значимым. Всё вокруг становится частью этого зрелища.

В завершение праздника король наблюдает за выступлениями и называет того, кто признан лучшим в этом году. Его решение не оспаривается. Это знак высшего признания — подтверждение мастерства, которого достигают немногие. Победитель на целый год становится символом силы Севера. Этот праздник напоминает мирусам: даже в суровых условиях есть место красоте. И сила может быть не только разрушительной — но и точной, выверенной и красивой.

В южном мире, который называется Утán, всё иначе. Здесь главной силой остаётся жара — постоянная, тяжёлая, неотступная. Иногда она становится невыносимой. Температура поднимается до пятидесяти градусов: воздух дрожит над раскалённой землёй, дыхание становится тяжёлым, во рту пересыхает, а каждый шаг требует усилия.

Солнце здесь не просто светит — оно давит. Камни нагреваются так, что к ним невозможно прикоснуться, песок обжигает сквозь обувь, а тень становится единственным спасением.

Лишь во время редких дождей жара ненадолго отступает. Воздух смягчается, температура падает примерно до тридцати градусов, и мир словно на короткое время меняется. Над землёй поднимается густой, тёплый запах, и в этом воздухе чувствуется движение, жизнь.

Но это длится недолго.

И вскоре жара возвращается снова.

Большая часть Юга — это выжженный солнцем мир бескрайних дюн, скалистых хребтов, глубоких пещер и разорванных каньонов. Земля здесь кажется усталой и надломленной, словно её годами разрывали жара и давление изнутри. Подземные вулканы живут своей жизнью — неровной и непредсказуемой. Иногда без всякого предупреждения из-под земли вырываются гейзеры — резкие, мощные, опасные, превращающие окружающее пространство в ловушку для любого, кто оказался рядом.

Но даже здесь, среди песка и камня, есть места, где жизнь удержалась.

Оазисы появляются внезапно — как спокойные пятна среди раскалённой пустоты. Небольшие озёра с неподвижной, зеркальной водой окружены густыми зарослями. В их тени можно укрыться от зноя, перевести дыхание, переждать жару. Здесь воздух становится мягче, а солнце уже не кажется таким беспощадным.

Возле крупных озёр люди строят поселения. Дома из глины и камня, узкие улочки, выложенные обтёсаным камнем, и сады, где растут влаголюбивые деревья. Всё тянется к воде, держится за неё, как за единственную опору.

Жизнь здесь течёт иначе. Медленнее. Тише. В ритме солнца и воды.

Дни наполнены запахом нагретой земли и пряных трав, тихим плеском озёр и редким, но живым детским смехом. В этих местах воду не воспринимают как нечто само собой разумеющееся.

Её берегут.

Потому что без неё Утан давно стал бы мёртвым.

Одними из самых распространённых растений Юга были колючие кусты с яркими оранжевыми плодами. Их корни уходили глубоко в землю, достигая подземных водоносных слоёв, куда не добиралось большинство других растений. Благодаря этому они могли расти почти в любом уголке Утана, выдерживая жару и сухие ветры.

С виду кусты казались жёсткими и неприветливыми: густые ветви, острые шипы, сухая поверхность. Но внутри скрывалась жизнь. Плоды были плотными, тяжёлыми, наполненными влагой, словно хранили в себе редкий запас воды.

Их мякоть утоляла жажду и быстро возвращала силы. Для путников и животных эти плоды часто становились единственным спасением. В самые тяжёлые часы пути они заменяли воду, позволяя выжить там, где, казалось, не должно быть ничего живого.

Самым красивым и необычным растением Утана считался Фиалис — красно-оранжевый цветок, растущий лишь в сыпучих песках. Его тайна заключалась в моменте раскрытия: при первых лучах солнца лепестки вспыхивали, словно маленький живой факел. Пламя держалось недолго — всего несколько минут. Оно мягко колыхалось на ветру, не разрушая цветок, а завершая его цикл. Затем огонь угасал, и внутри оставались семена.

Жар разогревал их оболочку до треска, и они высыпались в песок. Так рождалась новая жизнь. Фиалис не погибал в огне — он завершал себя, чтобы дать начало следующему. В нём не было разрушения, только переход.

Для жителей Утана Фиалис стал символом перерождения и новой семьи. Его дарили молодожёнам ещё в виде закрытых бутонов — как обещание будущего. Когда цветок раскрылся и вспыхивал, пара собирала выпавшие семена и уходила в пустыню.

Там, среди песков, они рассыпали их по земле и давали друг другу клятвы — не о лёгкой жизни, а о верности и поддержке, какой бы ни была дорога. Ветер подхватывал семена и уносил их дальше, туда, где они могли прорасти.

Но самым дорогим и редким даром земли Утана считался гриб Аш'гар, или, как его называли в народе, — Сердце пустоши. Он не рос там, где жизнь могла удержаться; напротив, он

появлялся лишь в самых жестоких уголках пустыни — на раскалённой, выжженной земле, где из глубоких трещин вырывались кипящие гейзеры ядовитого пара.

Единственным источником его питания служила оранжево-рыжая кислота, поднимающаяся из недр. Она бурлила в трещинах, испарялась, наполняя воздух тяжёлым, удушающим паром. Эти места считались мёртвыми зонами. Случайно оказавшийся там человек почти не имел шансов — либо его накрывал выброс раскалённого пара, либо яд медленно лишал дыхания.

И всё же именно здесь Аш'гар рос.

Его тонкие стебли поднимались из трещин, светясь изнутри тусклым жёлтым светом. На вершинах раскрывались фиолетовые шляпки, собранные в плотные группы. Они выглядели хрупкими, почти нереальными на фоне разрушенной земли — но именно в них скрывалась главная ценность.

Внутри находилось редкое вещество — витрастин.

Чтобы извлечь его, шляпки погружали в ту же кислоту, из которой гриб питался. Только она могла разрушить оболочку и высвободить содержимое.

Витрастин обладал редкими свойствами. Он ускорял заживление ран, восстанавливал ткани, помогал организму справляться с тяжёлыми повреждениями. Его применяли в самых сложных случаях — там, где обычные средства уже не помогали.

Но за каждую дозу кто-то рисковал жизнью.

Именно поэтому Аш'гар ценился так высоко. Его добыча требовала не только навыка, но и готовности идти туда, где выживают немногие.

Животный мир Юга отличался большим разнообразием. Возле водоёмов и в более мягкой, влажной среде оазисов обитали существа с нежным телосложением и тонкой кожей — на вид спокойные, дружелюбные и почти беззащитные. Здесь жизнь текла иначе: слышался тихий плеск воды, редкие крики птиц и мягкое шуршание растений, тянущихся к влаге. Однако таких мест было немного, и они казались хрупкими островками среди бесконечных песков.

Основную часть Юга населяли существа, приспособленные к постоянной жаре. Их тела покрывала прочная чешуя, защищающая от палящего солнца и перегрева. Внешне они выглядели жёсткими, почти неуязвимыми — как сама пустыня.

Днём большинство из них пряталось: зарывались в песок, уходили в тень скал, замирали в трещинах земли. Лишь с наступлением сумерек они выходили наружу, когда жара немного спадала и движение снова становилось возможным.

Эти существа выживали не за счёт силы, а благодаря точной, выверенной адаптации. Они чувствовали почву, улавливали малейшие изменения температуры, двигались экономно и без лишних действий.

Здесь выживали те, кто умел быть осторожным.

Потому что пустыня не прощает.

Одним из самых необычных и опасных существ Юга считался Хал'Зарр — огромная змея, обитавшая в зыбучих песках. В народе её называли Змеем Перелива. Это был один из самых древних обитателей Утана.

Его тело тянулось на десятки метров, скрываясь под слоем песка. На поверхности он появлялся редко — лишь на мгновения, когда поднимался для удара. Массивные передние зубы позволяли ему захватывать добычу мгновенно, не оставляя ей шанса.

На лбу и под нижней челюстью располагались тонкие чувствительные усики. С их помощью Хал'Зарр улавливал малейшие вибрации — шаги, движение, даже слабые колебания песка. Он улавливал добычу раньше, чем мог её увидеть.

Главной особенностью Хал'Зарра была его кожа. Она обладала редким свойством менять цвет в зависимости от температуры и состояния окружающей среды. В жаркие часы чешуя отливала серебром или мягкими перламутрово-зелёными оттенками, отражая солнечные лучи и защищая тело от перегрева. Змея словно сливалась со светом, становясь почти незаметной на раскалённом песке.

Когда температура спадала, её окраска темнела. Поверхность начинала поглощать тепло, помогая сохранять внутреннюю энергию. В такие моменты Хал'Зарр становился менее заметным, растворяясь в тенях и глубине песка.

Но в бою его облик менялся. Когда змея накапливала жёлтую энергию Утана, под чешуёй проступал яркий свет. Он пробивался наружу, пульсировал, усиливался, будто внутри её тела разгоралось что-то раскалённое.

И тогда становилось ясно: перед тобой не просто хищник.

А сама сила пустыни.

Большую часть времени Хал'Зарр проводил под землёй, скрываясь в глубоких песчаных слоях или в разломах рядом с горячими источниками и гейзерами. Он улавливал колебания почвы, исходящие от живых существ, на расстоянии многих десятков шагов.

Змея почти не двигалась без необходимости. Она выжидала, замирала, становилась частью окружающего ландшафта. Песок над ней выглядел так же, как и везде — спокойным, неподвижным.

Именно поэтому многие путники погибали, так и не поняв, что земля под их ногами уже давно живая.

Хал'Зарр не нападал без причины. Он не тратил силы впустую и не преследовал добычу долго. Его атака была короткой и точной: резкий выброс из-под песка, мощный захват — и мгновенное исчезновение.

Всё происходило так быстро, что жертва не успевала осознать, что произошло.

Считалось, что змея улавливает не только движения, но и состояние добычи. Она особенно чутко реагировала на резкие, хаотичные движения и панику. Чем сильнее был страх — тем заметнее становилась цель.

Несмотря на смертельную опасность, Хал'Зарр не считался злом, и встретить его было крайне трудно. Он держался вдали от поселений и сам избегал людей.

Его чувствительность к вибрациям делала человеческую среду для него невыносимой. Громкие шаги, постоянное движение, удары инструментов, музыка — всё это сливалось для него в непрерывный, давящий шум. Тонкие усики улавливали малейшие колебания, и там, где человек слышал обычную жизнь, он ощущал болезненное перенапряжение.

Поэтому Хал'Зарр не приближался.

Он уходил глубже в пустыню.

Хал'Зарра воспринимали как живое воплощение самой пустыни — безжалостной, но справедливой. Там, где он проходил, земля со временем менялась: становилась мягче, рыхлее, словно приходила в движение. Если поблизости был источник воды, почва начинала удерживать влагу, и семена, попавшие в неё, приживались легче. Так среди песков постепенно возникали небольшие оазисы — редкие островки жизни в суровом мире Утана.

Сам того не зная, Хал'Зарр влиял на равновесие пустыни. Не создавал жизнь напрямую, но делал её возможной.

Поэтому в Утане к нему относились осторожно и уважительно. Перед строительством поселений землю тщательно изучали, стараясь не нарушить его пути и не вмешаться в привычную среду обитания. Места, где он мог появляться, были известны, и туда не заходили без крайней необходимости. Даже решившись на риск, встретить его было непросто: люди не входили в его обычный рацион, и по характеру шагов он легко отличал их от животных.

Но если всё же случалось, что Хал'Зарр поднимался из песка и вступал в бой, шансов почти не оставалось. Победить его было чрезвычайно трудно даже тем, кто владел жёлтой энергией. Лишь самые сильные и опытные воины могли выжить после такой встречи — и даже для них это считалось редким исключением.

На этой суровой земле жил народ Утан. В отличие от мирусов, их кожа была тёмной — природная защита от беспощадного солнца. Волосы преимущественно чёрные или тёмно-каштановые, а глаза имели тёплый янтарный оттенок, словно отражая пламя, скрытое в недрах южной земли. Почва Утана излучала жёлтую энергию — жгучую и беспокойную, как само пламя, и каждый ребёнок, рождённый здесь, с первых дней впитывал её в себя, становясь частью этого мира. Эта энергия жила в их крови, формируя характер, придавая выносливость и способность направлять её силой воли.

Жители Утана вели насыщенный и разнообразный быт. Их дома строились из глины и камня, с толстыми стенами, сохраняющими прохладу днём и удерживающими тепло ночами. Узкие улочки городов вились между высокими стенами, защищая от палящего солнца и наполняясь тенью и прохладой. По вечерам семьи поднимались на плоские крыши домов, где ужинали, разговаривали и встречали закат, наблюдая, как небо медленно окрашивается в оттенки огня.

Различия между богатыми и бедными в Утане были заметны, но не бросались в глаза. В бедных районах дома стояли тесно, почти вплотную друг к другу, образуя узкие кварталы, где тень ценилась выше простора. Улицы были узкими, извилистыми, и каждый участок тени становился местом отдыха.

Жилища здесь были простыми: необработанная глина, грубый камень, минимум украшений. Всё строилось быстро и практично — так, чтобы укрыться от жары и сохранить прохладу внутри. Вода была редким ресурсом, и её берегли. Её использовали для питья и приготовления пищи, почти не тратя на лишнее.

Жизнь в этих районах текла открыто. Двери часто оставались распахнутыми, дети играли прямо на улицах, а разговоры и смех сливались в непрерывный шум. Даже ночью он не исчезал полностью — лишь становился тише, глубже, растворяясь в тёплом воздухе.

Богатые кварталы выглядели иначе. Дома здесь располагались свободнее, скрытые за высокими стенами, защищающими от солнца и посторонних взглядов. Внутренние дворы были просторными и прохладными, с фонтанами, бассейнами и тенистыми садами. Вода здесь не просто использовалась — она демонстрировалась как знак достатка и статуса. Стены украшали сложные росписи и мозаики, а узоры на них рассказывали о роде и заслугах.

Однако, несмотря на различия в достатке, жители Утана понимали: под этим солнцем все равны перед жарой и пустыней. Богатство давало удобство и защиту, но не освобождало от законов земли. Поэтому даже самые зажиточные семьи сохраняли уважение к тем, кто жил проще, зная, что выживание в Утане — дело общее, и пустыня не делает различий между бедным и богатым.

Еда утанцев была яркой и насыщенной — такой же, как их земля. Блюда готовили с обилием специй, пряных трав и густых соусов, наполняя пищу сильным вкусом и ароматом. На столах часто появлялись плотные лепёшки, тушёные овощи и мясо, медленно запечённое на углях до тёмной, хрустящей корки.

Пили сладкий сок кактусов — густой, тёплый на вкус, с мягкой, медовой сладостью. Он утолял жажду и возвращал силы, особенно после долгого дня под палящим солнцем.

Специи здесь были не просто добавкой. Они помогали организму переносить жару, поддерживали силы и восстанавливали энергию. В каждой трапезе чувствовалась не только забота о вкусе, но и о выживании.

Утанцы любили насыщенную, яркую пищу и верили, что еда укрепляет не только тело, но и дух.

Так же, как жёлтая энергия.

Повседневная одежда утанцев была лёгкой и свободной, с яркими узорами, напоминающими языки пламени. Использовались тонкие ткани — чаще всего хлопок и шёлк, — которые позволяли коже дышать и защищали от зноя. Такая одежда не сковывала движений и помогала сохранять силы, становясь естественной частью жизни под палящим солнцем.

Военная одежда выглядела иначе. Она была прочнее и более продуманной, но не перегруженной. Основу доспеха составляла плотная кожа животных, выживших в жаре пустыни. Эта кожа отличалась прочностью и упругостью, поэтому не требовала полного покрытия металлом. Металлические элементы добавлялись лишь там, где это действительно необходимо — на груди, плечах и предплечьях.

Такая броня оставалась подвижной и не перегревала тело, что было важно в бою. При этом пробить её было непросто: плотная кожа гасила удар, и только точная, направленная сила могла её рассечь.

Женщины Утана особенно любили украшения из золота и бронзы, инкрустированные цветными камнями. Самым популярным считался красный янтарь — тёплый, словно застывшая капля солнца. Его получали из смолы дерева Санра, широко распространённого в южных землях.

Смола этого дерева имела густой, насыщенно-красный цвет и медленно стекала по ветвям, застывая в прозрачные капли. Раз в году, перед началом нового цикла, Санра сбрасывало излишки смолы. В эти дни земля под деревьями покрывалась алыми застывшими каплями, и люди выходили их собирать.

Это был привычный, но важный процесс. Смолу аккуратно срезали с ветвей, собирали с земли, стараясь не повредить дерево. К этому относились спокойно и уважительно, понимая: дерево отдаёт лишь лишнее.

Позже смолу очищали и переплавляли в раскалённых печах, придавая ей форму будущих камней. Пройдя через огонь, она становилась прочной, но сохраняла мягкое внутреннее свечение. Украшения из красного янтаря были доступны даже простым жителям — камень не считался редким, но ценился за красоту и надёжность.

Его носили все.

И даже король с королевой не отказывались от него.

Это было напоминание: их сила — не в золоте. А в том же огне, что живёт в каждом жителе Утана.

Утанцы были открытым, страстным и эмоциональным народом. Они не скрывали ни радости, ни гнева и жили так, будто каждый день дан им не зря. Их чувства были яркими и прямыми, как жёлтая энергия, текущая в их крови.

Праздники утанцев превращались в настоящие вспышки жизни. Музыка, танцы, огненные представления и свет факелов сливались в непрерывное движение, наполненное жаром и ритмом. Всё вокруг оживало, словно сам воздух начинал двигаться вместе с ними.

По ночам города наполнялись звоном барабанов, песнями и танцами вокруг костров. Искры взмывали в небо, смех становился громче, движения быстрее. Жара не спадала — она просто становилась частью этого ритма.

С ранних лет каждый ребёнок проходил обязательное испытание — ночь в пустыне под открытым звёздным небом, один на один с жаром уходящего дня и холодом наступающей ночи. Без защиты, без помощи, без права уйти раньше времени.

В этой тишине, среди песков, он учился слышать себя. Сдерживать страх. Держать под контролем внутренний огонь, не давая ему выйти из-под власти разума. Пустыня не учила — она проверяла.

И не все проходили это испытание одинаково.

Возвращение после такой ночи считалось рождением истинного утанца — того, кто способен не только выжить, но и остаться собой. Не поддаться страху, не потерять ясность, не сломаться под давлением.

Но для утанцев была важна не только сила и умение владеть энергией. Они верили: огонь без радости превращается в разрушение. Поэтому их жизнь была наполнена не только борьбой, но и светом, движением, теплом. Они умели радоваться, создавать красоту и делиться ею — так же щедро, как пустыня иногда отдаёт редкую влагу.

Потому что выжить — недостаточно. Нужно уметь жить.

Когда энергия пробуждалась и начинала проявляться, глаза людей и животных Утана и Мируса вспыхивали особенно ярко. В этот момент во взгляде становилась видна сама сила — не внешняя, а та, что поднимается изнутри.

Свет в глазах не был просто эффектом. Он показывал, как движется энергия, насколько она напряжена и подчинена ли воле. У одних он оставался ровным и контролируемым, у других — резким, нестабильным, готовым выйти из-под контроля.

Именно по этому сиянию можно было понять: сила уже активна. И в этот момент граница между живым существом и самой землёй становилась тоньше.

Между мирами протекала великая река Аквилон — живая артерия планеты, соединяющая два противоположных начала. Она рождалась среди снежных гор Севера, вырываясь из-под ледников холодной, кристально чистой водой, и несла своё течение прямо к границе миров.

Пересекая её, река не останавливалась и не меняла направления — она проходила дальше, в земли Юга.

И вместе с этим начинала меняться.

Её воды постепенно теплели, принимая жар пустыни. Ледяные берега оставались позади, уступая месту песку и раскалённым скалам. Течение становилось более тяжёлым, глубоким, словно вбирало в себя силу новой земли, не теряя при этом своей изначальной природы.

Аквилон проходил сквозь границу, соединяя миры. В его воде сохранялась строгость Севера и появлялся жар Юга. Он не принадлежал ни одному из них полностью — и именно поэтому мог существовать между ними.

Так одно течение связывало два мира, напоминая: даже между холодом и пламенем может существовать единая нить жизни.

Север и Юг были разделены прозрачным силовым полем. Стоило сделать шаг — и мороз мгновенно превращался в обжигающую жару, а пылающий воздух сменялся ледяным дыханием. Граница была видимой и реальной: пройти её мог любой, но выжить — немногие. Ни один народ не был создан для жизни по другую сторону. Без специального снаряжения человек не мог находиться там долго — тело постепенно начинало сдавать, а энергия с каждым днём неуклонно истощалась.

Причина была проста и беспощадна: чужак оказывался на земле, где текла не его родная сила, а чуждая, не принимаемая его природой. Он не мог восполнить запасы энергии, и, исчерпав её полностью, становился обычным человеком — уязвимым, лишённым защиты и возможности противостоять суровому климату. Именно поэтому люди не стремились пересекать границу миров. Никто не желал остаться без собственной энергии, беспомощным перед враждебной землёй и чужими законами.

Даже если кто-то решался пройти скрытно, накопленной энергии в среднем хватало лишь на трое суток — в зависимости от того, как он ею распоряжался. И всё же такой путник сразу бросался в глаза: по внешности, речи, движениям. Его присутствие ощущалось так же отчётливо, как и сама граница миров. А если его замечали, суд над ним вершили по законам той земли, на которую он осмелился ступить.

Так и существовали два мира — ледяной и огненный. Разные во всём, но равные в своей силе. Разделённые границей, но связанные рекой.

Оба народа были сильными и могущественными — и, как ни печально, веками враждовали между собой. Причина этой вражды крылась не только в различии миров, но и в силе, которой обладал каждый из них.

Энергии Севера и Юга различались по своей природе, и со временем это различие перестало быть просто особенностью — оно стало причиной зависти. Каждый народ желал силы другого. И это желание со временем только усиливалось, превращаясь в стремление не просто обладать ей... а отнять.

Алчность правителей лишь усиливала это. Стремление завладеть чужой силой, подчинить её, использовать — всё это рождало недоверие, страх и ненависть. Миры начинали видеть друг в друге не равных, а угрозу.

Так Мирбург на протяжении веков жил в состоянии войны.

И чем дольше она длилась, тем глубже становилась.

Долгие сражения уносили тысячи жизней — с обеих сторон. Силы Мируса и Утана были равны по мощи, отличаясь лишь своей природой, и ни одна из сторон не могла одержать окончательной победы. Война тянулась годами, истощая земли и людей, не приближая к концу.

И однажды, среди этого бесконечного противостояния, король Мируса задумался о том, как остановить то, что уже давно перестало иметь смысл.

Он предложил Утану перемирие. Открыто признал то, о чём раньше никто не говорил вслух: оба мира столетиями проливают кровь, не имея возможности победить. Это был не жест слабости, а редкое проявление силы — признать безвыходность и первым сделать шаг.

Чтобы люди не забывали, какую цену несёт сила, король предложил иной путь. Раз в год каждый правитель выбирал из своего народа сильнейшего воина и отправлял его на территорию соседнего мира. Там проходил поединок — не ради убийства, а ради напоминания.

Воины сражались, демонстрируя силу своей стихии и мастерство владения энергией. Победа не давала права на завоевания, а поражение не считалось позором. Главное было другое — удержать мир от новой войны.

Утан принял это предложение. Их народ был так же истощён, как и народ Севера. И впервые за долгие годы между мирами установился мир.

С тех пор армии больше не сходились в настоящих битвах. Противостояние было перенесено на арену. Показательные поединки давали выход гордости правителей и напоминали людям о силе, которой они владеют.

Вражда не исчезла.

Но она перестала уничтожать.

Состязания проводились раз в год, поочерёдно на землях Мируса и Утана. До этого дня граница оставалась закрытой — любое нарушение каралось строго. Лишь в день поединков обоим народам позволялось пересечь её.

Для простых людей это был особый день. Тысячи собирались у арены задолго до начала. Толпы гудели от ожидания, дети смотрели с восторгом и тревогой, впервые видя воинов другого мира так близко.

Когда начинался бой, воздух наполнялся напряжением. И в те мгновения, когда лёд сталкивался с пламенем, казалось, что сама планета замирает.

Несмотря на страх и настороженность, этот день ждали. Только тогда можно было увидеть другой народ — услышать его речь, заметить отличия, почувствовать его силу.

И на короткое время вражда отступала.

Уступая место уважению.

Глава 2 Дитя двух миров

Однажды у короля народа Мирус родился ребёнок — очаровательная маленькая девочка. Её появление должно было стать радостным событием для всего народа, но уже с первых мгновений стало ясно: она не такая, как остальные. Девочка отличалась от всех младенцев, рождённых в Мирусе, и причина была очевидна каждому, кто заглядывал ей в глаза. Вместо привычного небесно-голубого цвета, которым обладали все жители этого народа, её взгляд сиял глубоким изумрудным оттенком.

Но законы, начертанные в древних рукописях, были беспощадны. Согласно им, таких детей полагалось уничтожать ещё в младенчестве, потому что считалось: они не способны впитать энергию земли и потому несут в себе проклятие. Эти строки веками переписывались в старых свитках и передавались из поколения в поколение, не вызывая сомнений и не допуская жалости. Со временем они превратились в незыблемое правило, нарушение которого грозило тяжёлыми последствиями.

Поэтому для любой семьи рождение подобного ребёнка становилось позором и молчаливым приговором. Страх входил в дом вместе с первым криком младенца и тяжёлой тенью ложился на сердца родителей. Люди искренне верили, что такой ребёнок способен навлечь беду не только на свою семью, но и на весь народ. Подобные дети появлялись на свет крайне редко — и только среди народа Мируса, что делало само их существование ещё более тревожным и пугающим для окружающих.

Но король и королева были добрыми и великодушными правителями. Несмотря на суровый закон и строгий устав, они горячо любили свою дочь и не могли позволить ей погибнуть из-за древних предрассудков, укоренившихся в сознании народа. Для них она была не нарушением закона, а живым, беззащитным ребёнком — их маленькой дочерью, которой нужна была защита.

Когда весть о рождении девочки разнеслась по землям Мируса, среди людей быстро поползли тревожные разговоры. Люди шептались на улицах, передавая друг другу слухи, пока страх постепенно не сменился гневом. Вскоре был созван совет. Там всё громче звучали требования немедленно исполнить древнюю традицию, ведь, по убеждению народа, только так можно было сохранить привычный порядок и уберечь мир от беды. С каждым часом напряжение росло, и вскоре весь Мирус оказался охвачен тревогой. Люди начали стекаться к дворцу, и над королевской семьёй и новорождённым ребёнком нависла настоящая опасность.

Король и королева понимали: среди собственного народа девочке грозила верная смерть. Ради её спасения они решились на отчаянный шаг — единственный, который у них оставался. Глубокой ночью королева бережно укутала дочь в тёплую ткань, осторожно уложила её в непромокаемую корзину и тихо покинула замок, стараясь не привлечь ни единого взгляда. В это же время король вышел к народу.

Он стоял перед людьми, собравшимися у дворца и требовавшими выдать ребёнка. Голоса в толпе звучали всё громче, в них слышались страх и ярость, но король отвечал спокойно и открыто, будто происходящее несколько его не тревожило. Лишь внутри всё сжималось от напряжения. Каждое мгновение тянулось мучительно медленно. Он ловил малейший звук со стороны леса, вслушивался в холодную ночную тишину, боясь только одного — что кто-то заметит исчезновение королевы слишком рано. Король понимал: если он дрогнет, если хоть на мгновение позволит тревоге проявиться в голосе или взгляде, всё будет потеряно. Поэтому он держался твёрдо, сдерживая страх за возлюбленную и ребёнка, отвлекая людей разговорами и обещаниями, лишь бы выиграть ещё немного времени.

Тем временем королева уже была далеко от дворца. Прижимая к груди корзину с младенцем, она спешила к реке, которая пересекала границу с миром Утана. В её сердце жила

хрупкая надежда: возможно, чужой народ окажется милосерднее и сохранит ребёнку жизнь. Она бежала через зимний лес, стараясь как можно быстрее приблизиться к границе, чтобы течение наверняка унесло корзину за пределы мира Мируса. Глубокий снег мешал двигаться, ноги проваливались при каждом шаге, дыхание сбивалось, а холодный воздух обжигал лёгкие, словно острые иглы. Но королева не останавливалась.

Лес вокруг был густым и тёмным, и чтобы не сбиться с пути, она использовала голубую энергию. Мягкое сияние вырывалось из её рук и рассеивало ночную тьму, освещая дорогу впереди. Голубой свет ложился на ветви, на сугробы и на следы её спешных шагов, превращая чёрный зимний лес в холодный мерцающий коридор, по которому она упрямо двигалась вперёд, не позволяя себе ни страха, ни сомнений.

Во время разговора с королём по толпе постепенно прокатилась тревожная волна. Люди переглядывались, шептались, всё чаще бросая настороженные взгляды по сторонам, словно кожей чувствовали, что происходит что-то неладное. Напряжение густело, как перед грозой, и вдруг его пререзал резкий крик.

— Я видел королеву с корзиной! — задыхаясь, выкрикнул человек, выбежавший с окраины толпы. — Она побежала в лес!

На мгновение всё словно застыло. Затем толпа взорвалась движением. Люди сорвались с места почти одновременно, тяжело топая по земле, толкая друг друга плечами. В воздухе смешались крики, хриплое дыхание и глухой гул десятков шагов.

Не мешкая ни секунды, они рванули вслед за ней, жадно вглядываясь в сторону леса, где между стволами уже могла скрываться беглянка с ребёнком. Каждый ускорял шаг, чувствуя, как внутри поднимается горячая, нетерпеливая ярость — будто сама мысль о том, что королева может ускользнуть, подстёгивала их бежать ещё быстрее.

Как бы быстро ни бежала королева, как ни гнала себя вперёд, задыхаясь и почти не чувствуя ног, расстояние между ней и преследователями всё равно неумолимо сокращалось. За её спиной всё отчётливее раздавались тяжёлые шаги, треск веток и хриплое дыхание людей, гнавшихся за ней, словно стая. Холодный воздух обжигал грудь, но она продолжала бежать, крепко прижимая к себе корзину, будто в ней заключалась вся её последняя надежда.

Наконец впереди показалась река. Над водой уже поднимался бледный рассвет. Холодный свет медленно разливался по реке и покрытым инеем берегам, окрашивая всё вокруг в тихие серебристые оттенки зимнего утра. До границы мира оставалось совсем немного — ещё несколько шагов. Но внезапно воздух позади неё резко свистнул, и в следующее мгновение её грудь со спины пронзила ледяная стрела. Боль вспыхнула внутри резким ударом, будто что-то холодное и беспощадное разорвало её изнутри.

Королева пошатнулась и тяжело упала на колени у самой кромки воды. Пальцы инстинктивно сжали корзину, она прижала её к груди так крепко, словно пыталась закрыть от всего мира. Дыхание стало рваным и тяжёлым, перед глазами на мгновение потемнело, но, собрав последние силы, она всё же опустила корзину на воду. Холодная река коснулась её пальцев, и плетёные стенки тихо закачались на слабых волнах.

Выбора не оставалось — нужно было лишь толкнуть её, чтобы течение подхватило. Королева медленно повалилась на спину, тяжело дыша, чувствуя, как силы стремительно покидают тело. С трудом подняв руку, она протянула её к корзине и дрожащими пальцами коснулась края. Собрав последние остатки воли, она тихо подтолкнула её вперёд, и течение сразу же подхватило корзину, унося её по воде всё дальше.

Лёжа на холодной земле, королева смотрела, как корзина медленно отплывает от берега, всё дальше уносимая течением. С каждой секундой она становилась всё меньше, покачиваясь на тёмной воде и постепенно растворяясь в холодном серебристом свете зимнего рассвета. В её затухающем взгляде оставалась лишь одна последняя надежда — что река всё же донесёт её до Утана.

В этот миг в её сознании вспыхнула лишь одна мысль: «Живи... живи, моя девочка...». Королева медленно повернула голову и посмотрела в бледное утреннее небо. Холодные снежинки тихо опускались ей на лицо, таяли на ресницах, смешиваясь с последними слезами. Она больше не чувствовала боли — лишь холод, медленно расплзающийся по телу, тяжесть в груди и странное онемение в пальцах, которые уже не могли сжаться. Дыхание становилось всё реже и прерывистее; каждый вдох давался с трудом, будто сам воздух постепенно отдалялся от неё.

Но вместе с этим в её душе воцарилось тихое, глубокое спокойствие. Она знала, что сделала всё возможное. И, удерживая в мыслях образ своей дочери — крошечного лица, тёплого дыхания, маленьких пальцев, — королева медленно закрыла глаза. Мир вокруг стал гаснуть, словно угасающий свет, пока наконец не исчез совсем.

Тем временем поток подхватил корзину и понёс её прочь. Люди, стоявшие на берегу, ещё некоторое время молча смотрели, как бурное течение уносит её всё дальше по реке, пока она окончательно не скрылась из виду. Все знали, что ниже по течению находится водопад и шансов на спасение нет. Поэтому для народа Мируса на этом всё было кончено: традиция считалась исполненной, а девочка — мёртвой.

Король похоронил любимую жену и остался один со старшим сыном по имени Хблид. В то время мальчику было всего десять лет. Гибель матери тяжело отозвалась в его сердце: он был глубоко привязан к ней и долго не мог смириться с утратой. В памяти снова и снова всплывал её голос, её тёплая рука на его волосах, её взгляд, в котором всегда было столько мягкости и спокойствия. Теперь всего этого больше не было. Он тосковал молча, пряча боль глубоко внутри, и вновь и вновь возвращался мыслями к той ночи, но рядом не оказалось никого, кто мог бы разделить с ним это горе.

Король и сам не вынес утраты. Его сердце было разорвано скорбью, и, погрузившись в собственное горе, он словно перестал замечать всё вокруг. Дни проходили в тяжёлой тишине, и с каждым днём он становился всё холоднее и отстранённее. Он почти не смотрел на сына, не

находя в себе сил говорить с ним или утешить его. Так в один день Холид лишился не только матери, но и, по сути, отца — живого, но ставшего чужим и недосягаемым.

Со временем боль, оставленная без утешения, начала меняться. Она медленно и незаметно искажалась, превращаясь в тяжёлую, глухую злобу. Холид всё чаще возвращался мыслями к последним событиям и одна мысль, жестокая и упрямая, постепенно укоренялась в его сознании: мать выбрала сестру. Раз она пожертвовала собой ради её спасения, значит, любила её больше. Эта мысль пустила глубокие корни и с каждым годом крепла всё сильнее.

Его характер постепенно темнел, словно уголь под слоем пепла. Взгляд, который когда-то был ясным и живым, становился холоднее, тяжелее. Там, где раньше жило детское доверие к миру, теперь поселилась пустота, медленно заполняемая горечью и тихой, растущей ненавистью. Так он и рос — всё более суровым, замкнутым и жестоким, постепенно отдаляясь от мира, в котором, как ему казалось, больше не осталось места ни для любви, ни для утешения.

Но всё же маленькой новорождённой девочке было суждено выжить. Корзина, в которую её бережно уложила мать, преодолев бурные потоки реки, пересекла границу миров и оказалась на территории Утана. Там течение постепенно изменилось, став ровнее и тише, словно сама вода утратила прежнюю ярость. Медленно покачиваясь на тихих волнах, корзина ещё долго плыла вперёд, пока наконец не прибилась к берегу и не застряла в мягком речном иле.

В землях Утана, несмотря на палящий зной, река оставалась редким источником жизни. Вдоль её берегов тянулась густая зелёная трава, местами поднимались низкие кустарники, а воздух был тяжёл от влаги, непривычной для этих выжженных солнцем земель. К воде часто приходили звери и птицы, спасаясь от беспощадной жары, и потому эта узкая зелёная полоса вдоль реки казалась настоящим живым оазисом среди сухой пустыни. Именно здесь, среди густой травы и влажной земли, корзина с младенцем осталась скрыта от случайных глаз, покачиваясь у самого берега и оставаясь наедине лишь с тихим дыханием реки.

В то утро король Утана вместе со своими подчинёнными отправился на охоту. Оседлав бехембсов и вооружившись, они покинули замок и двинулись вдоль реки, следуя привычному маршруту. Проехав около половины пути, король внезапно уловил слабый, едва различимый детский плач. Звук был таким тихим, что сначала он даже подумал, будто ему показалось. Но через мгновение плач повторился. Король насторожился, поднял руку и коротким жестом остановил и зверя, и своих спутников. Вокруг сразу воцарилась тишина. Он спешился, взял оружие и направился к берегу, медленно вслушиваясь в прерывистый звук.

Над водой лежала лёгкая утренняя дымка, а река тихо блестела в первых лучах солнца. Воздух был наполнен запахом влажной травы и свежести, а где-то среди прибрежных растений уже раскрывались утренние цветы. С каждым шагом плач становился всё отчётливее, всё тоньше резал слух. Подойдя ближе к воде, король заметил у самой кромки берега корзину, слегка покачивавшуюся на спокойных волнах.

Он приблизился и наклонился над ней. Внутри лежал ребёнок с белой кожей, укутанный в тёплую ткань. Осторожно взяв девочку на руки, король почувствовал, какая она крошечная и тёплая. Младенец тихо всхлипывал, и когда он поднял её, маленькое лицо повернулось к нему. Их взгляды встретились. Сквозь слёзы на него смотрели яркие изумрудные глаза — необычные, глубокие, словно в них отражался сам свет.

Король понял всё почти сразу. Ему были известны древние законы народа Мируса, согласно которым детей с зелёными глазами считали проклятыми и уничтожали ещё в младенчестве. Слишком многое сходилось, чтобы сомневаться. Он медленно выдохнул, и на его губах появилась горькая усмешка. Глядя на маленькое беспомощное лицо, он подумал про себя:

«Они готовы убить даже младенца только потому, что он не похож на остальных... Что за жестокие предрассудки».

Сердце короля болезненно сжалось от сочувствия. Он смотрел на корзину, в которой лежало аккуратнo укутанное, крошечное и незащищённое дитя, и постепенно начинал понимать

правду. Девочка оказалась в реке не из ненависти и не по воле случая. В этом поступке чувствовалась рука того, кто до последнего пытался спасти её. Кто-то бережно укутал ребёнка, уложил в корзину и доверил его течению, надеясь, что вода унесёт её туда, где она сможет жить. Это был отчаянный поступок, продиктованный не жестокостью, а любовью — последней, отчаянной попыткой защитить её от собственного народа.

Король крепче прижал девочку к себе. Маленькое тёплое тело тихо шевельнулось в его руках, и она негромко всхлипнула, словно чувствуя чужое тепло и защищённость. Он посмотрел на её лицо, на необычные изумрудные глаза, в которых ещё блестели слёзы. В этот момент внутри него не осталось ни сомнений, ни колебаний.

— Что ж, малышка, — тихо произнёс он, и его голос прозвучал спокойно, но твёрдо. — Если твой народ отверг тебя, значит, ты станешь частью моего народа.

Он на мгновение задержал взгляд на её лице, словно стараясь запомнить этот первый момент их встречи.

— Ты иная, не такая, как все. Но в этом нет проклятия... лишь дар. Пусть твоё имя будет Инней — Иная. Здесь, в Утане, ты найдёшь семью и дом.

Когда король с подчинёнными вернулся с охоты, придворные сразу заметили дитя в его руках и изумрудный блеск её глаз. По залам дворца и среди людей мгновенно прокатился тревожный шёпот. Люди переглядывались, тихо склоняясь друг к другу, будто боялись, что их услышат. «Это северянка... дитя Севера... с проклятыми глазами...» — настороженно перешёптывались они, не решаясь произнести эти слова громче. Но страх продержался недолго. Король Утана держал девочку так бережно и спокойно, словно она была его собственной дочерью, и в его взгляде не было ни сомнения, ни тревоги. Это зрелище действовало сильнее любых слов — уверенность короля постепенно гасила шёпот и сомнения вокруг.

Его великодушие и твёрдое решение быстро отразились на всём народе. Никто не осмелился осуждать поступок правителя, которого уважали и которому доверяли. Напротив, многие начали смотреть на ребёнка уже иначе — не со страхом, а с тихой жалостью к девочке, оказавшейся вдали от своего народа и обречённой на смерть ещё в колыбели. Постепенно Инней перестала быть чужой. Люди привыкали к её присутствию, и со временем она стала восприниматься так, будто родилась среди них. Её появление перестало казаться дурным знамением и превратилось в напоминание о милосердии Утана — о том, что даже в суровом мире можно выбрать не жестокость, а сострадание.

Особенно трогательной оказалась встреча Инней с её новым братом, Планеем. Когда король впервые внёс ребёнка в дом, мальчику было десять лет. Планей робко подошёл ближе и остановился рядом с отцом, не сводя взгляда с крошечного младенца в его руках. Он смотрел на девочку широко раскрытыми янтарными глазами, словно пытался понять, кто она и почему отныне станет частью его жизни. В его взгляде не было ни страха, ни неприязни — лишь осторожное любопытство и тихое, ещё не осознанное чувство, будто вместе с этим маленьким существом в его дом вошло что-то новое и важное.

Король наклонился и опустил ребёнка чуть ниже, позволяя сыну лучше разглядеть её. Планей нерешительно приблизился и остановился совсем рядом. Некоторое время он просто смотрел на крошечное лицо девочки, на её тонкие ресницы и необычные изумрудные глаза, в которых ещё блестели следы недавних слёз. Затем мальчик осторожно протянул руку и едва коснулся маленькой ладони. К его удивлению, крошечные пальцы вдруг слабо сжались вокруг его пальца, словно девочка инстинктивно тянулась к теплу и защите. Планей вздрогнул от этого прикосновения, и в его взгляде мелькнуло тихое изумление.

— Папа... кто это? — почти шёпотом спросил он, не отрывая глаз от ребёнка.

— Это твоя сестра, сын мой, — мягко ответил король. В его голосе звучала спокойная уверенность. — Теперь вы будете вместе.

Планей медленно поднял взгляд на отца, а затем снова посмотрел на девочку. Его лицо постепенно осветила робкая, но искренняя улыбка. В этот момент в его взгляде появилось что-то серьёзное, неожиданно взрослое, словно он вдруг понял, что отныне рядом с ним будет кто-то маленький и беззащитный, за кого он теперь несёт ответственность. Он снова почувствовал слабое тепло её ладони в своей руке и внутри него родилось тихое, но твёрдое решение. Не произнося ни слова, мальчик дал себе молчаливое обещание: он всегда будет рядом и никогда не позволит причинить ей вред.

Так завершилась история, начавшаяся с жестокого выбора и тяжёлой утраты. В одном мире девочку сочли проклятием и обрекли на смерть, в другом — приняли как дар и дали ей имя. Инней сохранили жизнь, но вместе с ней сохранили и тайну. На землях Утана решили скрывать её происхождение, оберегая от памяти и взглядов народа Мируса, чтобы прошлое не смогло однажды дотянуться до неё вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.